

В. И. Шапошников,
писатель

Твои века, Кострома...

Среди коренных костромичей и ныне бытует старинная поговорочка — «Кострома-городок — Москвы уголок», хотя давным-давно Кострома — и не «городок», и не «уголок», а большой город, крупный культурный и промышленный центр немалой же области. Создатель поговорочки зрил, так сказать, в самый корень, имея в виду изначальную тесную связь Костромы и Москвы, их особое историческое родство. У них и основатель — один, и возрастная разница меж ними — ничтожна.

На перекрестье двух стариннейших улиц Костромы — Пятницкой и Островского не так давно был установлен памятный камень-валун, надпись на котором гласит: «Здесь в 1152 году князем Юрием Долгоруким был основан город Кострома». По преданию, перед тем как заложить будущий город, Долгорукий повелел своим воинам запалить прибрежные дебри, в которых обосновалась разбойничья вольница. Вот с того великого пожара Кострома вроде бы и началась. Факт — примечательный, поскольку трудно перечислить, сколько раз за свои восемь с лишним веков город сгорал дотла. В летописях Кострома впервые упоминается под 1213 годом в числе городов Владимиро-Суздальского княжества, и это первое упоминание тоже связано с пожаром... Братья-князья Константин и Юрий (Всеволодовичи) враждовали друг с другом из-за великокняжеского Владимирского престола, «Константин же послал полк свой на Кострому и пожже ю всю, а люди изымаша». В 1237 году полчища Батгя, разорившие Владимир, «поплениша все на Волге и до Галича Мерского», и вновь сожжена была Кострома. Пожар был и в княжение Василия Дмитриевича в 1413 году, а че-

рез три года только что отстроенный город опять сгорел дотла... Эта череда пожаров протянулась в истории Костромы до последней четверти прошлого столетия: два последних великих пожара посетили ее в 1847 и 1887 годах. Как будто не случайно имя города так явно перекликается со словом *костер*. Однако тут нет и близкого родства, как нет его и с одинаково звучащим названием соломенно-кудельной «бабы» Костромы, некогда сжигаемой в праздники на Руси во времена ее язычества.

Толкований насчет названия нашего города много всевозможных. Наиболее достоверным, пожалуй, можно считать такое: в древних летописях, особенно во псковских, слова *костр*, *кострыга*, *кострум* встречаются в значении «крепость», «укрепленное место», и если вспомнить, что древние города обычно так и начинались, то вполне можно остановиться на таком толковании.

Костроме и всему костромскому краю принадлежит заметное место в русской истории. Выпало ей на долю немало и горького и славного, знавала она и взлеты и падения... Случилось Костроме на несколько лет даже стать столицей Руси: в 1272 году, когда на великокняжеский престол вступил мизинный (младший) брат Александра Невского Василий Ярославич, он не поехал в стольный град Владимир, а остался жить в любимой им Костроме.

1380 год. Куликовская битва. В ней участвовал Костромской полк под началом воеводы Ивана Родионовича Квашни. 23 костромских боярина и тысячи рядовых воинов-костромичей полегли на поле брани. Двое из костромских ратников, Федор Сабур и Григорий Холопищев, отыскивали среди убитых и раненых поте-

рившего сознание Дмитрия Донского.

Когда вскоре после Куликовской битвы хан Золотой Орды Тохтамыш потребовал к себе на поклон русских князей, они не поехали. Тохтамыш ворвался в пределы Русской земли и быстро направился к Москве, Дмитрий Донской со всем семейством своим выехал в Кострому, где и жил до тех пор, пока хан не покинул Москву. По смерти Дмитрия Донского на великокняжеский престол вступил его старший сын Василий. Хан Эдигей двинулся на Русь, и вся она, по словам летописца, «от реки Дона до Белоозера и Галича была потрясена сею грозой». Василий, по примеру отца, также уехал в Кострому, оставив Москву на попечение князей, бояр и духовенства. Эдигей послал в погоню тридцатитысячное войско, разорившее города Переславль, Ростов, Серпухов, Дмитров, Нижний и Городец, однако до Костромы оно так и не дошло... Почему именно в Кострому удалялись великие князья? Ведь на пути у них было немало городов, укрепленных по крайней мере не хуже, чем она... Видно, была Кострома особо надежным прибежищем.

В 1425 году великий князь Василий Дмитриевич скончался, и по установившемуся тогда новому порядку престолонаследования преемником его стал старший сын Василий Васильевич (Темный), дядя которого Юрий Дмитриевич, следуя старому порядку, не признал старшинства племянника и стал домогаться великого княжения. Началась продолжительная и кровопролитная, но уже последняя усобица из-за Московского престола. Кострома тут играла довольно пассивную роль, хотя и сильно пострадала, находясь в центре борьбы; летописцы повествуют, что ее занимали то войска великого князя, то его противников.

В XVI веке ополчения костромичей дважды громили татар, совершавших набеги на костромские земли (в 1539 году ополчением командовал воевода Мстиславский, в 1540 — воевода Яковлев). Перед походом Ивана Грозного на Казань в Костроме собирался полк первой руки князей Горбатого и Серебряного.

* * *

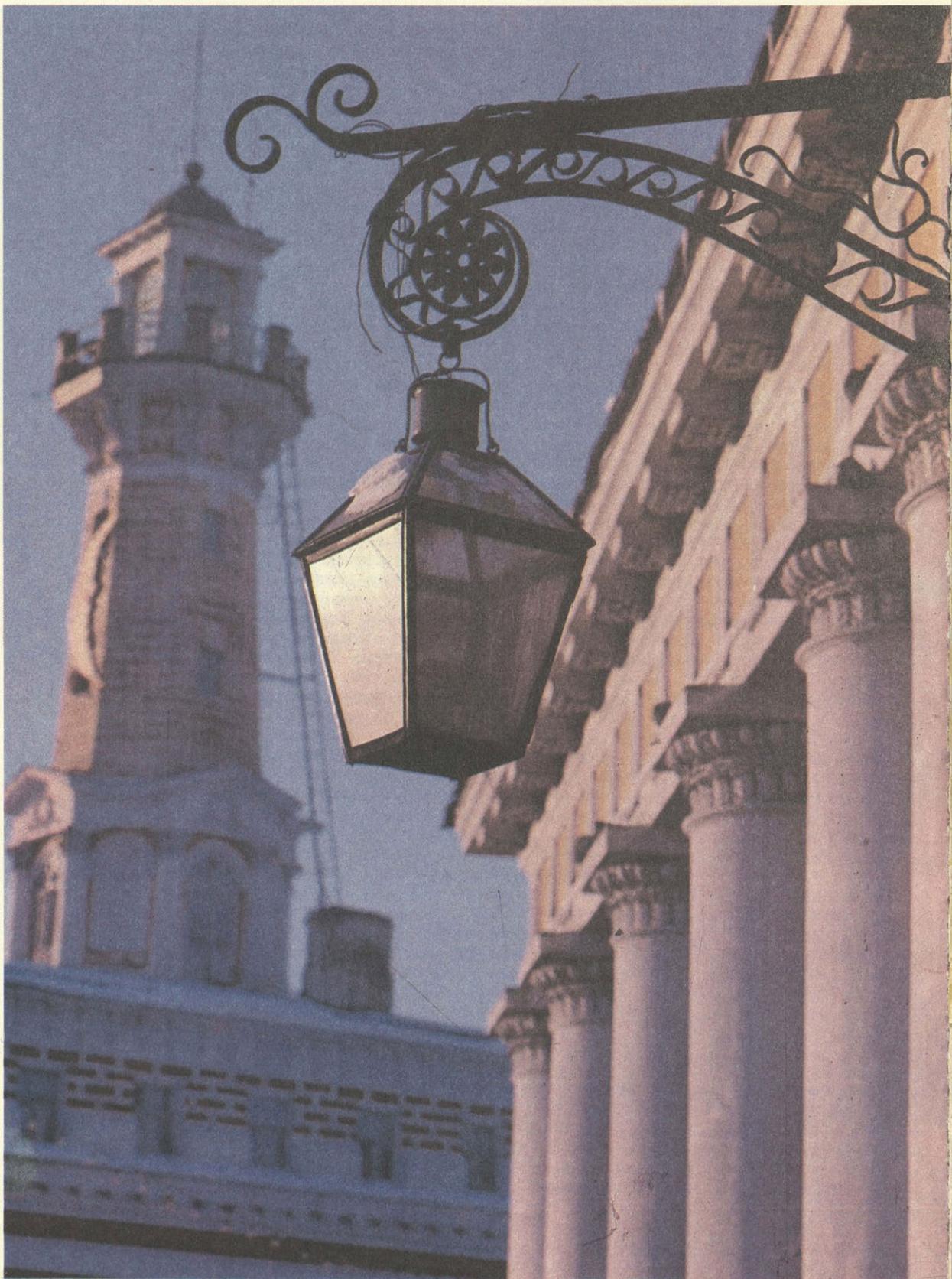
Так уж получилось, что вот уже несколько лет я живу в самом центре Костромы. Жить здесь — значит постоянно иметь перед глазами множество побуждений к мыслям о прошлом моего города. В безлиственную пору года из моего окна виден небольшой двухэтажный дом, где родился «отец русского театра» Федор Волков, а чуть левее виднеется храм Иоанна Златоуста, построенный в XVIII

веке, а еще левее — два дома Третьяковых, словно бы напоминающих: и на костромские капиталы создавалась известная на весь мир картинная галерея... Далее золотятся главки углового храма и надвратной башни Богоявленского монастыря, возносятся ввысь купола еще двух монастырских храмов. Доводилось этому монастырю и самому гореть, и одиноко возвышаться среди уничтоженного огнем города, доводилось ему отражать идущих на приступ врагов, помнит он и страшные годы опричнины.

Весной 1559 года Иван Грозный повелел собрать в Нижнем Новгороде войско для защиты Астрахани и начальство над ним вверил своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу (Старицкому), который отправился в Нижний через Кострому, где ему оказали великие почести, встретили хлебом-солью, за что костромичи вскоре полатились: грозный царь, которому всюду мнились боярские козни, приказал всем костромским начальникам явиться в Москву, где и казнил их хуже, чем одного. Князя Владимира по его приказу отравили Малюта Скуратов и Василий Грязной. Царский гнев пал и на костромское духовенство: жестоко избиты были опричниками иноки Богоявленского монастыря, выказавшего особое почтение Владимиру...

1608 год. После разгрома Ростова Великого войско Лжедмитрия II, под предводительством Лисовского, появилось в поволжских городах и двинулось к Костроме, разрушая все на своем пути. 30 декабря они с боем захватили город и подвергли его жесточайшему разорению. Часть жителей вместе с иноками заперлись в Богоявленском монастыре и долго отражали нападения «тушинцев», однако на шестой день вынуждены были сдаться. Многие из монахов и горожан были убиты ворвавшимися в монастырь врагами. Такой же участи подвергся и Крестовоздвиженский монастырь, находившийся на территории кремля. Ныне от этого монастыря, как и от самого кремля, не осталось и следа.

Смутное время было особенно тревожным и лихим для Костромы. Она была важным стратегическим пунктом, прикрывавшим северные области, еще не истощенные безурядицей. В январе 1609 года «тушинцы» направились в Галич, оставив в Костроме большой отряд с пушками. Но ополчение северных городов (Солигалича, Чухломы, Вологды и других), освободив захваченный было врагами Галич, подошло к Костроме и после долгого уличного боя очистило Кострому. «Тушинцы» укрылись в Ипатьевском монастыре, в ту пору уже опоясанном каменной стеной. Северные ополченцы

расправились с воеводой Дмитрием Масальским — ставленником Самозванца; костромским воеводой стал боярин Борис Салтыков. Лисовский, поспешивший на помощь своему отряду, осажденному в Ипатьевском монастыре, не смог переправиться через Волгу и удалился к Троицкой лавре, разрушив по пути Нерехту и Большие Соли.

После ухода Лисовского воевода Жеребцов приступил к штурму Ипатьевского монастыря и вытеснил засевших там врагов, которые отступили к Святому озеру, где и были окончательно разбиты. В память об этой победе на берегу озера позже была воздвигнута часовня, которая сохранилась до наших дней. Жеребцов, присоединив к себе ополчения ярославцев и костромичей, поспешил на выручку осажденной Сапегой Троице-Сергиевой лавре.

Однако на том затянувшееся лихолетье для Костромы, как и для всей Русской земли, не кончилось. После того как Боярская дума, взявшая правление в свои руки, пригласила в Москву пана Жолкевского, наступили еще более грозные дни... Вступив в Москву с войском, Жолкевский часть его разослал по разным городам. В Кострому прибыл отряд под предводительством Самуила Маскевича, и много бесчинств было сотворено в городе.

Народ вновь поднялся на борьбу. В разных городах собирались рати. Собрала свою рать и Кострома — во главе с воеводой Федором Волконским. Ратники вступили в Москву. Однако и на сей раз с интервенцией не было покончено. Более того, события поворачивались так, что потухла было и сама надежда на освобождение...

Но вот поднялся Нижний Новгород. Несли нижегородцы деньги и имущество, жертвуя их на защиту Отечества, отовсюду стекались в Нижний ратные люди. Тем временем в Кострому пришла из Москвы боярская грамота с увещанием оставаться верными королевичу Владиславу. Костромичи разделились на две партии, из которых большая требовала присоединения к нижегородскому ополчению, другая же, во главе с воеводой Иваном Шереметьевым, требовала верности Владиславу.

Между тем князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин со своими дружинниками выступили из Нижнего и направились к Костроме. В Плесе встречавшие их многие из костромичей заявили Пожарскому, что костромской воевода не хочет впускать его в город. Пожарский занял костромские посады, горожане восстали против воеводы и «мало не убиша его», если бы не вмешательство Пожарского. Успокоив жителей и назна-

чив им воеводой князя Романа Гагарина и дьяком Андрея Подлесова, Пожарский собрал из костромичей большое ополчение, а также получил немалую материальную поддержку. Присоединив костромское ополчение к своим войскам, он двинулся на Москву. Разбив противника под Москвой, Пожарский заставил затем капитулировать и засевший в Кремле польский гарнизон. После освобождения столицы был созван Земский собор, избравший 21 февраля 1613 года русским царем пятнадцатилетнего Михаила Романова. Никто не мог определенно указать, где живут мать и сын Романовы. Они уехали из Москвы как будто в Кострому, однако уверенности не было. В Кострому были посланы гонцы, а вслед за ними, 2 марта, целое посольство во главе с архиепископом Феодоритом и боярином Федором Шереметьевым. В архиве Костромской палаты государственных имуществ хранилось дело о церкви села Домнино, где значилось: «...в октябре месяце 1612 г. Ксения, тогда уже инокиня Марфа Иоанновна, освободясь из польского плена, с пятнадцатилетним сыном Михаилом, уехала из Москвы в Костромское свое поместье, в село Домнино, где, оставив сына своего, как монахиня, удалилась в дом свой, находившийся в Костромском кремле у бывшего там Воздвиженского мужского монастыря». Выдержку эту полезно тут привести, так как до сих пор твердится, что мать и сын Романовы жили вдвоем в Ипатьевском монастыре. Посольство находилось по пути в Кострому; поляки и литовцы, всюду бродившие целыми отрядами по разоренной России, задумали схватить и убить Михаила или отправить его в Польшу, опередив посольство Земского собора. С этой целью один из отрядов отправился из Вологды на поиски лесного сельца Домнино.

О подвиге домнинского крестьянина Ивана Осиповича Сусанина слишком хорошо известно, чтобы повторять здесь этот рассказ. Благодаря Сусанину юный царь был благополучно доставлен в Кострому, где остановился в доме матери в так называемом *осадном дворе*, и только по просьбе костромичей, уже извещенных об избрании Михаила, они оба перебрались для приема посольства в наместничьи кельи Ипатьевского монастыря. Кстати, монастырь этот исстари находился под опекой бояр Годуновых, враждебно относившихся к Романовым. Основатель монастыря татарский мурза Чет, принявший православие и добровольно перешедший на службу к Ивану Калите, стал родоначальником костромских вотчинников — Зерновых, Шеиных, Вельяминовых-Зерновых, Сабуровых, Годуновых — покровительствовавших монасты-

рю. Легенда гласила, что плывший по Волге Чет в дороге тяжело заболел, сделал на стрелке Волги и реки Костромы стоянку и дал обет в случае выздоровления построить здесь монастырь. В свое время легенда эта имела особый смысл: в самом факте перехода татарского мурзы на сторону русских усматривалась духовная победа над завоевателями. Далеко еще было тогда до Куликовской битвы, еще дальше было до полного освобождения...

* * *

Древние города без своих легенд и преданий не жили. Кострома богата своими.

Всякий гость ее, впервые въезжающий в город по новому мосту через Волгу, обращает внимание на пятиглавый храм, с трех сторон окруженный галереями. Храм Воскресения на Девре, ныне единственный из бывших посадских храмов Костромы, построен в 1652 году. Здесь хранится самая древняя икона Костромской (XIII век) — «Богоматерь Феодоровская». Уже сама по себе она может быть отнесена к памятникам отечества, к тем «остаткам прошлого» (по Далю), которые ныне молчаливо свидетельствуют о нем. В течение столетий икона эта считалась покровительницей города. Легенда гласит, что костромской князь Василий Квашня, самый младший из братьев Александра Невского, во время охоты в лесу за северной окраиной тогдашней Костромы, услышав, как «начавша пси лаяти притужно», помчался на лай и увидел на сосне икону, и ее перенесли в храм Федора Стратилата. Вскоре храм этот сгорел, но на третий день после пожара икона была найдена невредимой среди головней и пепла. Было это, по легенде, в августе 1262 года. На деле же до появления в Костроме икона эта находилась в городцеком Феодоровском монастыре, и именно перед ней Александр Невский принял перед смертью схиму с именем Алексея. Зная это, легко предположить, что побывавший на погребении старшего брата в не столь уж далеко от Костромы Городце князь Василий увез икону с собой на память. Известно, что из Городца в Кострому приезжали посланцы с просьбой вернуть икону их городу, их монастырю, но вернулись ни с чем. Спустя десять лет, в 1272 году, к Костроме подступило татарское войско, ведомое так называемыми «бесерменскими купцами», которым Золотая Орда отдавала на откуп сбор дани с русских городов. Такой сбор был обыкновенным грабежом, после которого многие города оставались начисто разо-

ренными. Василий, собрав в Костроме небольшую дружину, двинулся на врагов, повелев нести с собой и икону Феодоровской Богоматери. В трех верстах от города, за тем местом, где позднее поднялись первые здания Ипатьевского монастыря, Василий встретил превосходившую силами татарскую рать и разгромил ее. Было это у озера, которое с тех пор стало называться Святым. Так что вся многовековая история Костромы прошла перед этой иконой. Время, бесчисленные пожары, людская воля, нередко являвшая себя в безоглядной поспешности, унесли многое, а вот она — осталась, самое древнее, что ныне есть у Костромы от старины ее.

* * *

Старую, коренную Кострому, ученую-переученую бесчисленными пожарами, и ныне не назовешь каменной. Лишь сам центр ее, как бы взломанный со стороны Волги, тот многогранник, от которого веером разбегаются проспекты и улицы, лишь его и можно считать вполне каменным. Далее Кострома и ныне в основном деревянная, до самых своих новых окраин, обступающих ее со всех сторон многоэтажными, сплошь каменными домами.

Пожалуй, не случайно столь пышным сооружением Костромы является пожарная каланча. Такой, наверное, не сыщется нигде по всей России. Глядя на нее, с невольной улыбкой думаешь, что очень уж уважительно надо было относиться городу к своим брандмейстерам, коль воздвигнута была эта каланча-звонница, каланча — ампирный храм!..

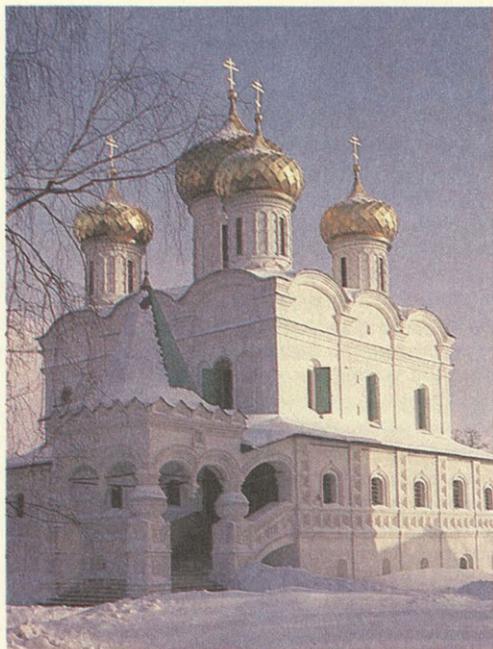
Да, Костроме словно на роду было написано долгие века оставаться деревянной. Выход России к морю в XVII столетии лишил Кострому преимуществ города, находящегося у перекрестка древних торговых путей. Захирели ее главные производства — кожевенное и мыловаренное. Костромские каменщики вытребованы были в строящийся Петербург, Москве они тоже требовались... Однако и тогда Кострома исподволь обзаводилась каменными строениями: возводились и расписывались красивейшие храмы, построено было здание городского суда, соляной склад-магазин, выросли особняки купцов и богатых прасолов. За Ипатьевским монастырем построены были казармы для Уфимского полка, а у Волги выше Татарской слободы — для Троицкого, в Костроме появился гарнизон. Правда, до поры до времени все это каменное строительство велось почти вне всякого плана. Город еще разделялся на «старый» и «новый», на посады, отделенные друг от друга земляными валами и

бревенчатыми стенами. Улицы были тесны и путаницею своею представляли настоящий лабиринт...

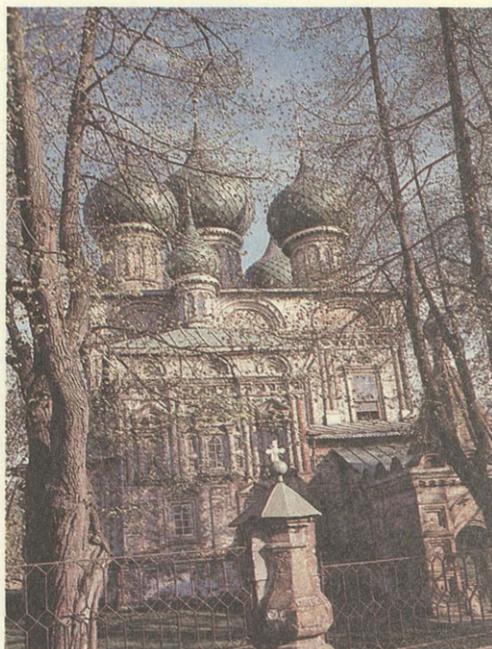
В 1773 году город «посетил» очередной большой пожар. Спустя пять лет Кострома становится губернским центром. Пожаром «отмечено» и это немало-важное событие: сгорела уцелевшая от предыдущего пожара часть города вокруг Богоявленского монастыря... Город фактически предостояло отстраивать заново, и делать это решено было по специально составленному плану. Город как бы раскрывался к Волге, менялось направление улиц, от центральной площади, имеющей подковообразную форму, радиусами расходились 8 главных улиц, прочие улицы пересекали их частями огромных полуколец; под сплошную каменную застройку отводилась лишь центральная часть Костромы, ограниченная первым полукольцом. Чуть позже план этот был уточнен, и Кострома застраивалась по нему вплоть до самой революции.

Ныне, пожалуй, не найти другого города в России, сохранившего свой исторический центр в столь же мало искаженном виде. Без утрат не обошлась и Кострома, но сохранено главное — центральная площадь (Революция, бывшая Сусанинская). Думается, что по всей провинциальной России нет и такого множества колоннад, как здесь: Красные ряды, Большие Мучные, Табачные, Мелочные, Пряничные, Рыбные, Масляные и прочие; колоннады каланчи, гауптвахты, Присутственных мест, дома генерала Борщова...

Центральная площадь со всем ансамблем зданий, окружающих ее, сложилась всего за четверть столетия. Ее формирование начал архитектор С. А. Воротилов, воздвигнувший в 90-х годах XVIII века Большие Мучные и Красные ряды. Затем Н. И. Метлин выстроил здание Присутственных мест напротив Красных рядов и дом причта Благовещенской церкви, возле которого поднялся выстроенный по «образцовому» проекту дом Борщова. Завершил создание ансамбля П. И. Фурсов, построивший в 1825—1826 годах каланчу и здание гауптвахты. В 1851 году был открыт созданный скульптором Демут-Малиновским памятник Ивану Сусанину, установленный в центре разбитого посреди площади сквера. Довольно быстро застроилась и вся центральная часть Костромы, почти не менявшаяся на протяжении последующих полутора столетий. Случались утраты, и немалые — такие, например, как исчезновение памятника Сусанину, целого комплекса на территории бывшего кремля с великолепнейшим Успенским собором. Ныне же облик старого центра Костромы бережно сохраняется.

Кострома.
Троицкий собор
Ипатьевского
монастыря

Церковь
Воскресения
на Дебре

Фрагмент
фрески
Троицкого
собора
«Изведение
апостола Павла
из темницы
и исцеление
хромого». 1685 год

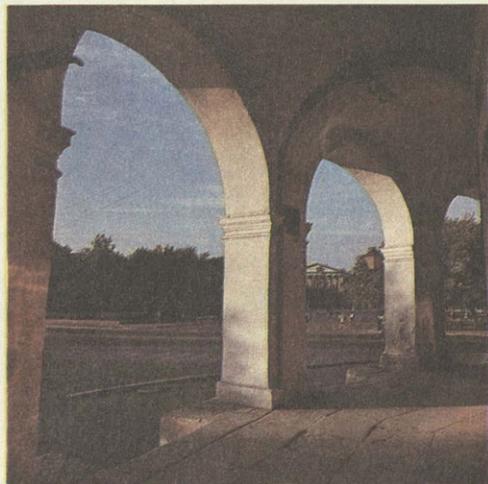

Кострома особенно славилась своим силуэтом. Как никакой другой волжский город, она открыта взору со стороны реки. Обилие церквей и колоколен создавало незабываемый облик города, главной доминантой которого была колокольня Успенского собора, о красоте которой писал В. И. Ленину побывавший в Костроме весной 1919 года А. В. Луначарский. Лишившись ее, силуэт города заметно проиграл, став плоским, невыразительным. Сегодняшние архитекторы, по-

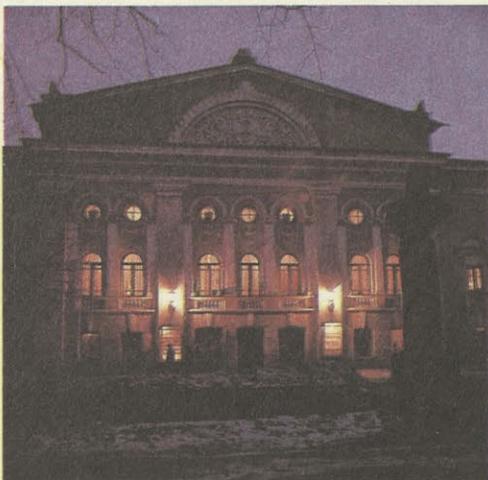
было доказано, что исторический центр города, созданный по единому плану двухсотлетней давности, окажется в эстетическом противоречии с коробкой из стекла и бетона, более того — он будет непоправимо искажен, как единое целое.

Старые города, всего навидевшиеся за свои века, включают в себя словно бы несколько малых городков, имеющих свое особенное лицо. В тесном соседстве живут эти части, и растворенные друг в друге и друг от друга обособленные.

Ворота дома
Третьякова
на ул.
Симаковского

Красные ряды.
Архитектор
С. А. Воротилов.
Конец
XVIII века

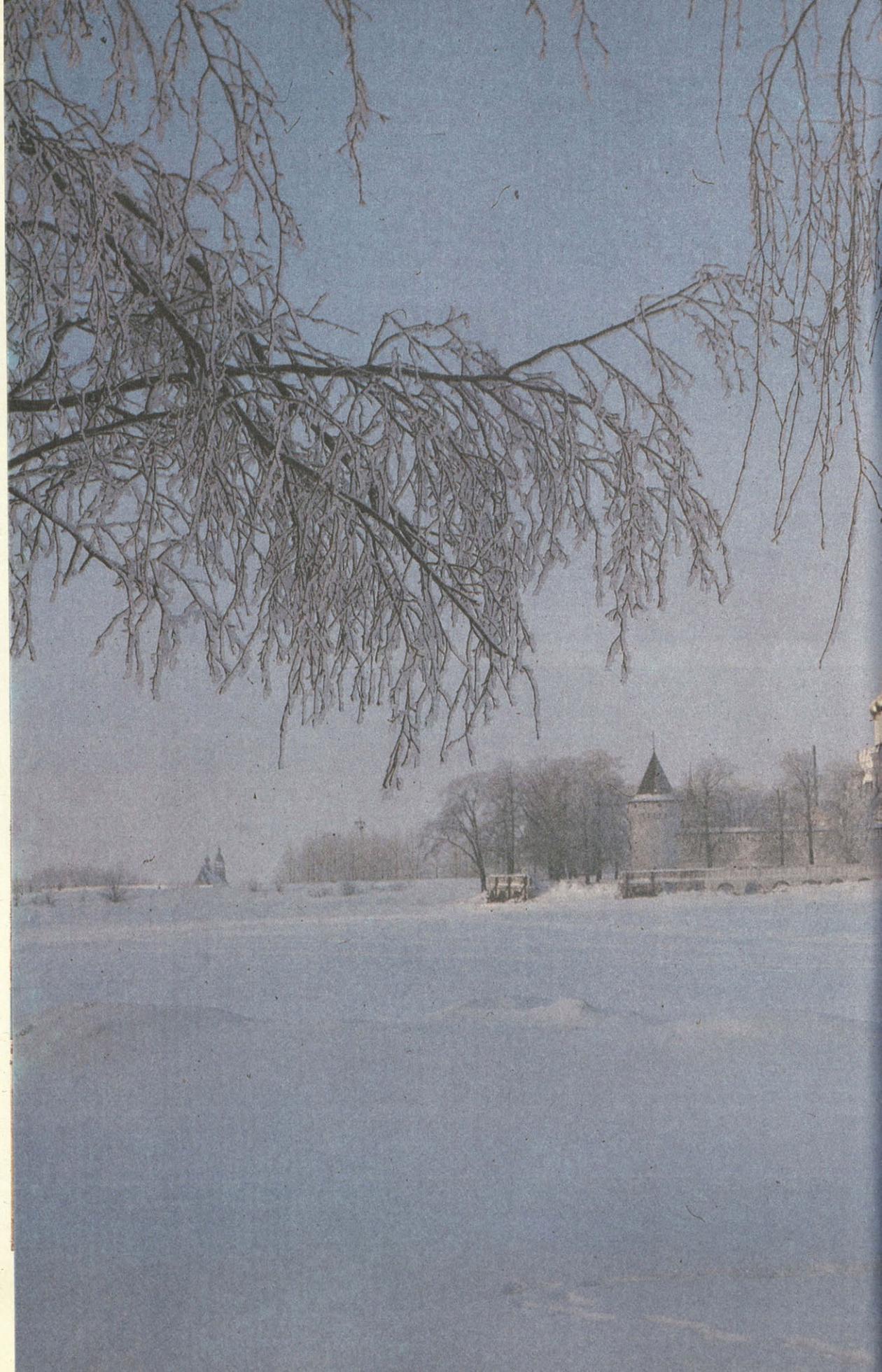

Беседка
Островского

нимая это, несколько лет назад восстановили колокольню «у Спаса в Красных рядах» и пятиглавие самого этого храма. Был и другой проект — построить 16-этажное административное здание примерно на том месте, где стояли Успенский собор и его колокольня. Вокруг этого проекта велось немало споров (областная газета в августе 1975 года даже поторопилась объявить вопрос о строительстве «высотки» окончательно решенным). Однако здравый смысл возобладал,

Одно дело — центр Костромы и другое, к примеру, — ее привокзальный район с его железнодорожным непокоем. Или текстильная Кострома, теснящаяся вдоль левого устьевого берега реки Костромы: тут — дух вечного труда, застарелый фабричный дух, царящий не только над самими фабриками, но, не постижимым образом, и над всеми соседними улицами, улочками, переулками. И уж совсем иным веянием дохнут окраинные новостройки, где полный хозяин — наш,

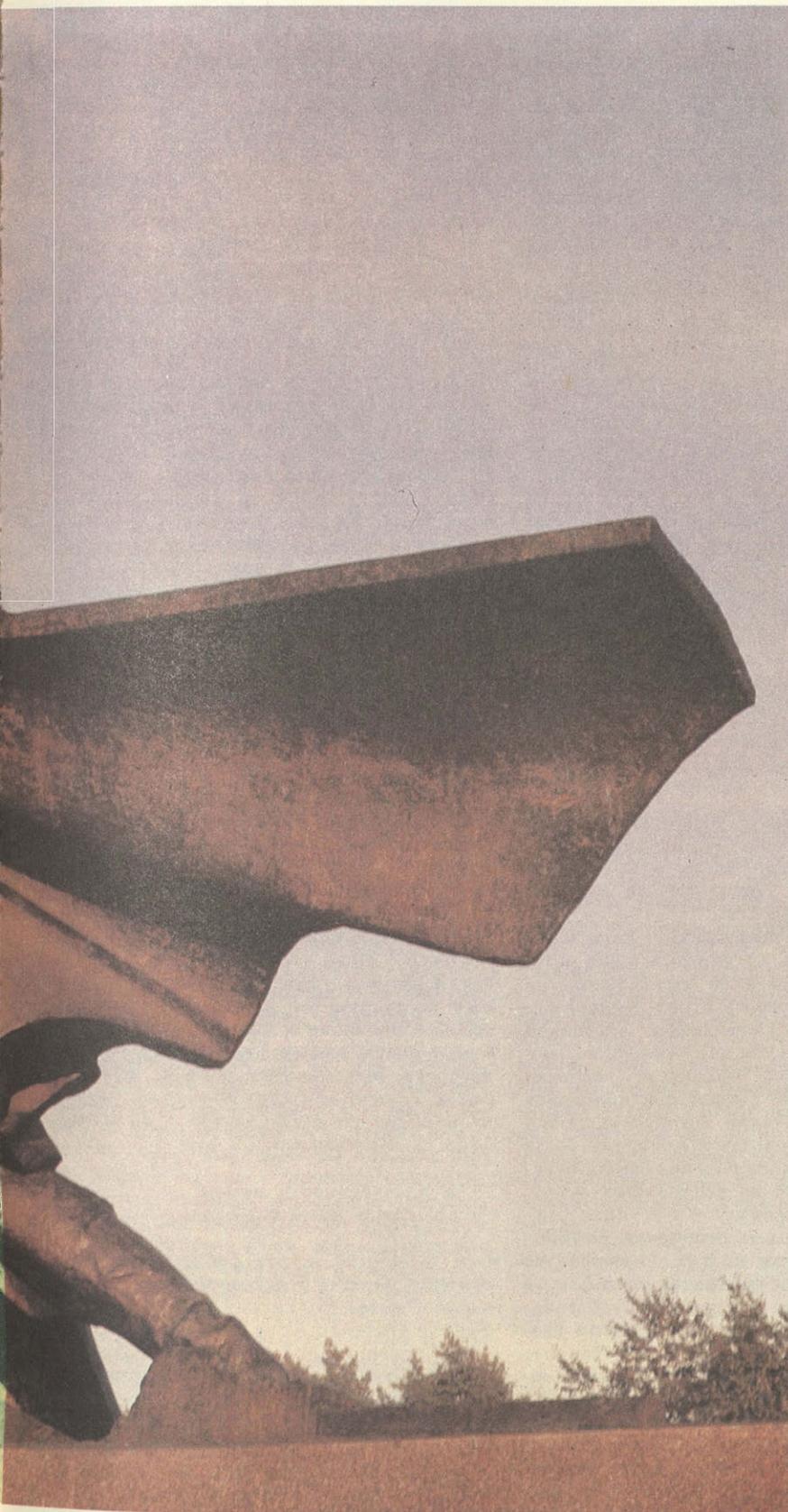
Здание театра
им. А. Н. Островского.
Начало XIX века

Ипатьевский
монастырь

Памятник
героям Великой
Отечественной
войны

XX, век, близящийся к завершению... Своеобычность — всюду. Но, наверное, всегда по-особому дорога всякому костромичу Кострома коренная, древняя...

На улицах этой Костромы немало сохранилось старых оград, навдходных кованых зонтов затейливого рисунка; за оградами и воротцами любой из таких улиц можно видеть зеленые просторные дворики, заросшие столетними липами, березами, кленами... Все это оставляет особенно сильное впечатление в листопадную пору, когда Кострома словно бы погружена в раздумье о своих утекших столетиях...

Не случайно именно Кострома притягивала к себе такого глубоко национального русского драматурга, как А. Н. Островский, не случайно костромские места были такими привлекательными и родными для Б. М. Кустодиева — художника русского по всему духу и сути своих творческих пристрастий. «До сих пор еще живу всем тем, что мы с Вами видели в наших прогулках по Костроме и особенно эта удивительная гауптвахта с пожарной», — писал Кустодиев в Кострому Ивану Александровичу Рязановскому, археологу и историку, знатоку нашего края, к которому часто приезжал в годы, связывающие художника с костромскими местами.

* * *

Свернем с бойкой Советской улицы, почти в самом начале ее, на улицу Чайковского (бывшую Ильинскую), сбегаящую к Волге. Здесь что ни дом, то достопримечательность. Когда-то, до 1780-х годов, тут возвышались валы костромского кремля, от которых ныне осталось одно-единственное ответвление, на самом конце которого стоит беседка-ротонда, обычно называемая «беседкой Островского». Название условное, поскольку великий драматург никогда в этой беседке не бывал: она появилась позднее. Та же беседка, которую он любил посещать в свои наезды в Кострому, была деревянной и находилась над самым береговым урезом, не на теперешнем месте.

Улица Чайковского — это улица старинных двухэтажных особняков. Остановимся перед одним из них, украшенным четырехколонным портиком коринфского ордера. Знатокам костромских достопамятностей он известен под разными названиями: «ампирный дом», «дом Янцен», «розовый дом»... Построен он в 1788 году на «росчистой» земле, после неполного срытия валов и полной засыпки рвов костромского кремля. Первоначально облик дома не был столь выразителен: портик, выполненный по чертежу уже

упомянутого архитектора Фурсова, появился лишь в 1825 году. В 1797 году владелицей дома стала помещица А. В. Аристова. Спустя четыре года ее дочь Мария, как прежде говаривали, «ввела в дом мужа» — тридцатилетнего полковника Петра Яковлевича Корнилова, только что вернувшегося из итальянского похода Суворова, в котором не единожды отличился, показав «опыты самой блистательной храбрости». В Костроме, в тихой семейной обстановке молодой полковник прожил недолго: уже в 1810 году он участвует в штурме турецких крепостей Силистрии и Шумлы. Затем — производство в генералы. Рана при взятии Рущука. 1812 год. Сражения под Кабрином и Городечным. При переправе через Березину он едва не пленил самого Наполеона. Имя молодого генерала узнала вся Россия. Возвратившись после войны в Кострому к семье, Корнилов занялся украшением дома, поручив дворовому человеку помещика Борщова Степану Поплавскому роспись парадных комнат второго этажа. В этой работе Поплавскому, талантливому художнику-декоратору, помогал крепостной художник Корниловых Александр Поляков. Работа с Поплавским многому научила его, ему удается поступить в Академию художеств, по окончании которой он становится одним из создателей галереи 1812 года в Зимнем дворце. В этой галерее есть, кстати, и портрет П. Я. Корнилова. Боевой генерал недолго домоседствовал в Костроме: его ожидали новые походы. В 1828 году он был убит при штурме турецкой крепости Журжи.

Сын погибшего генерала гвардейский офицер Павел Петрович Корнилов женился на признанной красавице и известной поэтессе Анне Ивановне Готовцевой, стихи которой печатали лучшие столичные журналы. Ей принадлежит стихотворное послание к Пушкину: «О Пушкин, — слава наших дней...», по поводу которого поэт написал одно из лучших своих лирических стихотворений (правда, написал как бы по заказу — по просьбе П. А. Вяземского):

*И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы...*

Сам Вяземский, кстати, посвятил молодой поэтессе не одно стихотворение. Ее дарование отмечал Белинский. Однако заботы о семье отвлекли Анну Ивановну от серьезной литературной работы. В 1837 году она приютила в своем доме осиротевшую племянницу, девочку-калеку Юлию Жадовскую, заменив ей мать. Заметив у Юлии ранние поэтические способности, она помогла им развиться, так что есть заслуга Анны Ивановны в том, что вся

Россия пела романсы на стихи замечательной поэтессы Юлии Жадовской, написанные Глинкой, Варламовым, Даргомыжским, Чайковским.

В Костроме немало таких домов, история которых изобилует интереснейшими фактами и мотивами. Взятые сами по себе, дома эти — лишь разрозненные частицы былой Костромы, памятные вехи, включенные в круг богатой истории города, превращающие эту историю в вечно живое, одухотворенное прошлое. Кому-то вполне можно бы замахнуться на большой исторический роман, главным героем которого стал бы сам город, в котором нашли бы отражение судьбы многих славных людей в их взаимном переплетении, в переплетении с конкретными обстоятельствами истории. Такой опыт был бы крайне интересен. Ведь Костроме и костромскому краю принадлежит заметнейшее место не только в русской истории вообще, но и в истории русской культуры. Сколько имен можно тут припомнить: А. Аблесимов, П. Катенин, А. Плещеев, А. Писемский, А. Островский, Н. Некрасов, С. Максимов, Н. Михайловский, Н. Страхов, В. Зайцев, Б. Кустодиев, Г. Островский, Е. Честняков... С костромской землей, пусть и не постоянными связями, было связано творчество Засодимского, Лескова, Короленко, Левитана, Саврасова, Поленова, К. Коровина...

* * *

Как-то в книге Гончарова «Фрегат «Паллада» мне попались такие вот строки: «Я, между прочим, наткнулся на великолепное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и был счастлив в то утро. Такие народные памятники — те же страницы истории, но тесно связанные с текущей жизнью».

Да, именно так: «страницы истории, но тесно связанные с текущей жизнью»! Слова эти можно повторить применительно к отдельным зданиям и целым комплексам старой Костромы, на которых ныне можно видеть охранные таблички. Ведь, как правило, имеется в виду не просто то, что сохранилось от прошедшего и свидетельствует о нем, но и зримо и необходимо присутствующее в наших днях, составляющее неотъемлемую и подлинно прекрасную черту настоящего.

Ведь взять бы хотя бы старый центр Костромы с его торговыми рядами и административными зданиями. Именно здесь самое бойкое, самое многолюдное место города. Здесь проходят торжества, праздники, ярмарки. Древнее живет не музейной тихой жизнью, отстраненной от дня сегодняшнего, но влито в единый

поток современности. Ипатьевский монастырь стал историко-архитектурным музеем-заповедником, Богоявленский, где долгое время помещался областной архив, вскоре вместит экспозицию зональной художественной выставки...

Памятники прошлого молчаливо (и все же так красноречиво!) свидетельствуют о духовном величии, о даровитости нашего народа. В Троицком соборе Ипатьевского монастыря тебя охватывает радостное ощущение некоего вечноцветущего сада: тут и сдержанное поблескивание резных листьев и гроздьев иконостаса, и тона фресок, где преобладают лазурь и огненная киноварь. И, окруженный всем этим великолепием, с гордостью и радостью думаешь о том, сколь даровиты были русские люди, жившие в далеком прошлом... И вспоминаются их имена: Иоаким Агеев, Василий Ильин, Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Артемий Тимофеев, Фома Ермаков... Всех и не назвать здесь.

Какая это великая опора душе человеческой — национальная историческая память! Как благотворно и здорово для нас радостное ощущение нераздельности, слиянности с тем, что «прежде было»!..

П а м я т ь... В который раз ловлю себя на благодарной мысли о том, что самое живое и глубокое толкование этого слова встречаешь у Владимира Ивановича Даля. Как это просто, тепло и как бы навечно сказано им: «способность помнить, не забывая прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом»!.. Не просто «хранить», «помнить былое», а «хранить, помнить сознание о былом». Именно «сознание о былом» должны хранить мы, именно это «свойство души» должно быть с нами постоянно.

Что есть человек без своих местных привязанностей, без потребности отыскать в своем будничном привычном окружении всего заслуживающего восхищения, благодарного воспоминания, любования? Человеку необходимо знать «в лицо» свою малую родину, свой родной уголок, свой родной город. Их красота, их неповторимость, их пережитое — тут основа истинной, сыновьей любви к Отечеству.